

времени в Москве. В дневнике содержится ценная информация не только о лично переживаемых им событиях и их оценка, но также воспроизводится атмосфера панического и одновременно порой обречённого состояния, в котором находились жители Кремля в период октябрьских боёв, что усиливается в условиях циркуляции разнообразных, часто противоречивых слухов, благодаря чему особенно явно видится контраст между большими историческими событиями, коими они скоро станут, и жизнью простого обывателя.

Источники и литература

1. ОПИ ГИМ. Ф.43. Ед.хр. 101.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В МОСКВЕ В 1918 Г.

К.Б. Жучков

Псков, Псковский государственный университет

Наши обыденные представления о жизни в Советской России в первый год после Октябрьской революции во многом основываются или на личных документах об этом времени – дневниках и воспоминаниях, часто беллетризованных, на основе художественной прозы, или, что намного чаще, на основании документальных и художественных фильмов. Между тем в 1918 г. повседневная жизнь в Москве, да и в большинстве центральных губерний Республики, еще была далека от тех мрачных картин, которые традиционно рисуются в нашем воображении при мысли о Гражданской войне в Советской России. Художественные образы советского кинематографа рисуют темные сцены жизни новоиспеченных советских граждан, находящихся в кольце вражеских фронтов, господствующие повсеместно разруха и нищета, всепроникающая партийная и классовая сегрегация. Такое представление о повседневной жизни центральных губерний Советской России в 1918 г. неверно, антиисторично, оно продуцировано поздними явлениями, протекавшими в стране частично в 1919, а наиболее ярким образом в 1920-1922 гг.

В действительности, несмотря на тяжелую войну, продолжавшуюся с 1914 г., на две революции и последовавший за ними «демократический» хаос в жизни общества и государства, в России оставалось еще достаточно ресурсов для поддержания приемлемого уровня жизни в городах. Конечно, по сравнению с довоенным временем, падение уровня жизни граждан было налицо, галопировала, как тогда казалось, инфляция, дефицит простейших товаров заставлял вспоминать с грустью о счастливых довоенных временах. Повсеместно закрывались предприятия, не хватало топлива. Тем не менее, как показали дальнейшие события 1919-1921 гг., и прежде всего расширявшаяся Гражданская война, 1918 г. был относительно благополучным в жизни простых людей, когда деньги были еще в цене, а наличие работы или службы решало практически все обыденные проблемы насущного бытия.

Роль в жизни простых людей ВЧК сильно преувеличена впоследствии, так же как и проникновение в гущу общества партийно-классовых предрассудков и, тем более, репрессивных практик. По этому поводу можно привести многозначительный пример. Осенью 1918 г., когда Московское библиотечное отделение переехало из здания Наркомпроса (бывш. Катковский лицей на Знаменке) в особняк Гагариных на Новинском бульваре, в нем стали предоставлять служебное жилье сотрудникам отдела. Среди квартиросъемщиков оказался сотрудник Аристарх Пет-

рович Савватеев, который, в 1918 г. прослужив в отделе месяц, оттуда уволился. Руководство отдела предписало ему выселиться «с казенной площади», что Савватеев делать категорически отказался, напротив, заняв своими вещами, в том числе велосипедом, еще и общий коридор. Никакие уговоры, предписания и угрозы в течение почти года на Савватеева не действовали, пока, наконец, Московский библиотечный отдел 28 августа 1919 г. не обратился в Народный суд Арбатского района г. Москва, который 12 сентября 1919 г. вынес справедливое решение выселить Савватеева. Несколько раз для его выселения приходил местный уполномоченный, который, однако, так и не смог добиться выполнения решения народного суда [1, лл. 155, 237]. Ситуация с Савватеевым ярко характеризует демократическую сущность Советской власти в первый-второй год ее существования, характер которой, однако, претерпел сильные изменения в последующие ближайшие годы в результате многочисленных антисоветских заговоров, мятежей, восстаний, террора, саботажа и проч.

К истории с «сотрудником» Савватеевым можно прибавить несколько подтверждающих ее наблюдений, сделанных над дневниковыми записями Ю. В. Готье 1918 г. Маститый историк постоянно, мягко сказать, зло иронизирует над «товарищами», с которыми ему приходилось иметь дело, или которых он наблюдал на различных заседаниях, совещаниях, или приемах. Называл он их неизменно жидами, русскими жидами, гориллами и прочими неместными терминами, тем не менее, при обращении к ним, при личных переговорах, он описывает их прямо противоположно, в том числе и касаясь роли ЧК в обычной жизни. В августе 1918 г. его брат был арестован в Новгороде местной ЧК за игнорирование регистрации бывших офицеров. Однако, уже в начале сентября Готье, приехав в Новгород, просто посетив руководство ЧК, добился освобождения брата. В середине октября 1918 г. брата опять арестовали, уже в Москве, за уклонение от мобилизации, однако уже через день он был освобожден [2, с. 174, 182, 189].

Наконец, из провинции, из волости в Новгородской губернии, где находилась дача Готье, в конце сентября 1918 г. был написан на него донос «за контрреволюционную пропаганду», и прислан этот донос был прямо Л. Д. Троцкому. За помощью Готье, конечно, обратился к Н. И. Троцкой, которая была в то время заведующей Музейным отделом Наркомпроса, а сам Готье, заметим, был заведующим библиотекой Румянцевского музея (ныне – РГБ). Как пишет Готье, Троцкая «была со мной любезна и обещала оказать нужное содействие» [2, с. 185]. Дело было улеглось, но вновь проявилось вследствие, видимо, того, что его переслали из Наркомата по военным делам обратно в провинцию. 15 (28) октября 1918 г. Готье пошел на прием к начальнику следственного отдела ВЧК т. Романову, резиденция которой тогда располагалась в гостинице «Националь». Вот что пишет об этом визите Готье: «Это очень любезный молодой человек с университетским образованием; говорят, что он идейный коммунист; но говорили мы с ним, как старые добрые знакомые прежнего времени; выслушав меня, он посоветовал мне «плюнуть и не волноваться», но вперед не забежать, так как иначе «можно на себя насплетничать», «мало ли бывает наветов». Его мнение оказалось таким же, как и мнение Н. И. Троцкой, – из этого дела не выйдет ничего особенного; вероятно, оно где-нибудь замрет, а если не замрет и меня побеспокоят помимо его, т. Романова, то тогда нужно сослаться на него и на других видных «коммунистов». По его мнению, если дело не замрет, то оно дойдет до его рук, а что касается его, то он это дело распорядится погасить» [2, 190].

Дало о доносе на Готье, конечно, заглохло само собой, как и предсказывали Троцкая с Романовым, однако вскоре Готье пришлось снова побывать в ЧК. На

этот раз он был туда вызван в качестве свидетеля по делу Ю. Д. Урусова, который дома у себя скрывал «государственные документы». На этот раз Готье посетил 15 февраля (10 марта) 1919 г. особняк Московской ЧК в бывшем доме М. М. Петрово-Соколово. Придя туда, Готье нашел «грязный вертеп, наполненный мальчишками-латышами и девками-латышками». Тем не менее, Готье нашел, что «следователь Фельдман, с золотыми волосами и безупречным русским языком, более похожий на старого народовольца, чем на современного латышско-еврейского деятеля, допросил меня вежливо и толково» [2, 268].

Приведенные примеры показывают, что фактические сведения, приводимые Готье, о конкретных людях и житейских обстоятельствах прямо противоположно отличаются от того негативного «общего фона», который создается в его дневниках о характере и сущности новой власти. Вот этот-то негативный «общий фон», или, как его называл А. Г. Тартаковский [3, с. 29-30], «стертое», «общее» мнение, и становится главным в описании жизни в 1918 г., тогда как конкретные «положительные» факты и обстоятельства жизни простых людей и новой власти практически не используются ни в популярной литературе, ни, тем более, в художественных произведениях, ни, что совсем плохо, в профессиональных работах. Проще говоря, субъективность и объективность дневника (или дневников и мемуаров) неправомочно поменяны местами.

Не случайно эта заметка начата цитированием документов Московского библиотечного отделения о «выселении» сотрудника Савватеева. Многие годы разыскивая в Государственном архиве Российской Федерации материалы по вывозу в 1918-1919 гг. дворянских усадебных библиотек, удалось найти уникальное для описания этого процесса дело, представляющее собой бухгалтерский отчет отдела за 1918 г. [4]. В нем подшиты финансовые, как тогда говорили, «оправдательные», документы, Московского библиотечного отделения за 1918 г., которыми отчитывались за выдаваемые Наркомпросом ассигновки, т. е. отчеты о расходовании денег. Документы эти состоят из авансовых отчетов эмиссаров отдела, накладных на покупки, ведомости на зарплату («жалование», как тогда еще говорили), счета ломовых, магазинов, лавок, типографий, гостиниц, грузовые железнодорожные накладные и т. д. и т. п. Все первичные отчеты эмиссаров сводились делопроизводителем отдела А. А. Дешкиным в месячные ведомости, где фактически дублировались все финансовые расходы. Сведения, отраженные в этих документах, дают большой материал для наблюдений за повседневной жизнью в Москве и провинции во второй половине 1918 г.

Наблюдения эти говорят, что, несмотря на инфляцию и существенную разницу цен в сравнении с довоенным временем, общий уровень цен в сравнении с заработной платой во второй половине 1918 г. был не просто приемлемым, а можно сказать, достаточно-разумным. Из отчетов эмиссаров Московского библиотечного отдела и ведомостей финансовых расходов отдела в августе-декабре 1918 г., видно, что общественная и хозяйственная жизнь в Москве и провинции еще повсеместно бурлит, работают частные магазины, ателье, книгопечатни, склады, промышленные предприятия, школы, музеи, библиотеки, правильно функционируют железные дороги, гужевого транспорт, извозчики, трамваи, церковные иерархи занимаются охраной культурных ценностей и работают в связке с новыми властями, общественный правопорядок соблюдается, в какой-то мере новой власти в течение всего одного года удалось вогнать в русло кипучую инициативу масс, остановить «демократическую» шумиху. Несмотря на повсеместную реорганизацию и «оптимизацию» учреждений, их деятельность не прекращается,

а, наоборот, усиливается. Советское правительство, в конце концов, платит все пенсии, начисленные при старой власти.

Что же касается условий повседневной жизни, можно заметить только первые, еще единичные и не постоянные, признаки надвигающегося кризиса, который, безусловно, был в большой степени спровоцирован Гражданской войной. Это, в первую очередь, начинавшийся дефицит и, как следствие, чрезвычайная дороговизна топлива, точнее, дров. Квадратная сажень дров стоила осенью 1918 г. 500 руб., то есть две трети месячной заработной платы сотрудника отдела. Но и эта цена не была критичной, поскольку кв. сажени, то есть восьми кубометров дров, хватает для отопления одного голландского стояка или кухонной печи в течение всего отопительного сезона. Больше тревожил дефицит, то есть труднодоступность дров. Помимо них, ощущается нехватка писчей бумаги и лент для пишущих машинок. Дорого стоит чай. Однако, в свободной продаже библиотечные карточки, ящики, проволока, чернила, мыло, веревка, шпагат, клей, оконное стекло, гвозди, тес, фанера, книги всех сортов, географические карты, учебники, учебные тетради, почтовые и гербовые марки, спички, свечи, керосин, цветы. Киловатт-час электроэнергии стоит 2,20 руб., и пока ее не отключают. Стоимость поездки в трамвае в Москве составляет 1,20 руб., хотя по вечерам трамваи не ходят ввиду экономии электроэнергии. Дороги извозчики, поездка на них по городу на среднее расстояние обходится 20-25 руб. В деревне извозчики дешевы на порядок, а крестьянские телеги для пассажирского проезда стоят копейки. Ночевка в гостинице, меблированных комнатах или на частной квартире обходится в 5 руб., то есть в четыре поездки на трамвае. И самое примечательное, московские ломовые извозчики монополизированы Отделом гужевого транспорта Московского совдепа, который образовал картель с единой монопольной ценой – 120 руб. за один рейс по городу. Единственный недостаток рассматриваемых нами здесь документов, то, что они служебные и не отражают цен, ассортимента и доступности продуктов питания в Москве и провинции, а так же алкогольных напитков и табачных изделий. Именно по ним можно было бы достоверно сравнить покупательную способность денег 1918 г. с нынешними. Чтобы наглядно представить соотношение цен и зарплат осенью 1918 г., основные показатели мы свели в таблицы, составленные по материалам документов ГА РФ, которые освещают зарплату и цены в Москве и провинции в 1918 г. [4].

Приведенные материалы свидетельствуют о еще вполне мирной и достаточной, хотя и не комфортной как ранее до войны, жизни простых людей в Москве в 1918 г. и находятся в противоречии с нашими обыденными представлениями о жизни новой Советской столицы в первый послереволюционный год. Эти данные можно, да и нужно, соотнести со сведениями, достаточно широко представленными в мемуарно-дневниковой и художественной литературе о повседневной жизни в начальное Советское время, чтобы научно охарактеризовать жизнь Советского государства и его граждан в трудное время его становления. Как кажется, такая работа может принести много неожиданных открытий.

ТАБЛИЦА 1. ЗАРПЛАТЫ В МОСКВЕ (НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ)

№ п/п	Должность	Оклад (руб.)
1.	Заведующий отделом	1480
2.	Эмиссар 1 разряда	940
3.	Эмиссар 2 разряда	830
4.	Библиотекарь	775-830

5.	Сотрудник по разбору библиотек	730-830
6.	Служитель (уборщица, сторож, дворник, истопник)	400-450
7.	Суточные в командировке	25
8.	З/п в день разовых эмиссаров	27.66
9.	З/п в час	5.53

ТАБЛИЦА 2. ЗАРПЛАТЫ В ОРЛЕ (НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ)

№ п/п	Должность	Оклад (руб.)
1.	Заведующий музеем	850
2.	Помощник заведующего	600
3.	Служитель	250
4.	Дворник	300

ТАБЛИЦА 3. ЦЕНЫ В МОСКВЕ (ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ)

№ п/п	Наименование	Ед. изм.	Цена (руб.)
1.	Трамвай	поездка	1.20
2.	Извозчик	поездка	15.00-30.00
3.	Ж/д билет (Подольск, Орел)		1.65, 31.10
4.	Ж/д билет Москва-Петроград	2 конца	48.30
5.	Комната в гостинице (с освещением)	сутки	4.50
6.	Носильщик		3.50
7.	Охранная грамота на библиотеку		10.00
8.	Чай	¼ фунта	10.00
9.	Спички	коробок	0.50
10.	Мыльный порошок	1 фунт	2.50
11.	Свечи	1 шт.	1.00
12.	Подписка на газету «Известия Сов. Деп.»	1 месяц	15.00
13.	Гербовая марка		0.05

ТАБЛИЦА 4. ЦЕНЫ В ОРЛЕ (ДЕКАБРЬ)

№ п/п	Наименование	Ед. изм.	Цена (руб.)
1.	Извозчик	поездка	20.00
2.	Электроэнергия	кВт/час	2.20
3.	Чернила	1 фунт	6.50
4.	Трамвай	поездка	1.00
5.	Оконное стекло	1 шт.	20.00
6.	Ремонт плиты и голландской печи		30.00
7.	Дрова	кв. саж.	500.00
8.	Хризантема	шт.	15.00
9.	Тетрадь	шт.	0.50

ТАБЛИЦА 5. СТОИМОСТЬ МАТЕРИАЛОВ И УСЛУГ ДЛЯ ВЫВОЗА БИБЛИОТЕК В МОСКВЕ И ПОДМОСКОВЬЕ (НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ)

№ п/п	Наименование	Ед. изм.	Цена (руб.)
1.	Английский шпагат	вязка	3.00
2.	Вязка (веревки)	клубок	5.00
3.	Веревка	клубок	10.00
4.	Веревка	фунт	11.00
5.	Куль из рогожи	шт.	0.75
6.	Ящик для книг (большой)	шт.	50.00
7.	Ящик для книг (маленький)	шт.	25.00
8.	Ящик у граждан с рук	шт.	3.00

9.	Гвозди 3-дюйм.	фунт	2.35
10.	Гвозди	дюжина	1.75
11.	Тес (доски)	шт.	5.50
12.	Фанера	лист	4.00
13.	Крестьянская подвода (с пассажиром)	поездка	5.00
14.	Крестьянская подвода (с грузом)	поездка	20.00
15.	Одноконная подвода (ломовой)	поездка	120.00
16.	Переноска ящиков с книгами	1 человек	5.00
17.	Столяр поденный	день	20.00
18.	Ж/д тариф Дорохово-Москва	234 пуд.	191.95

Источники и литература

1. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 28.
2. Готье Ю. В. Мои заметки. М.: Терра, 1997.
3. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика (Опыт источниковедческого изучения). М.: Наука, 1980.
4. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 30. Д. 11.

ВЛАДИСЛАВ ФРАНЦЕВИЧ ГАЛЛЕ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦМЕЙСТЕРА ПЕТЕРБУРГА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ РОССИИ

А.П. Стоцкий

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России

Интерес к биографике [1] и особенностям сохранения памяти об историческом прошлом [6, с. 80–82] в последние десятилетия стал устойчивым и в России, и за рубежом [15, с. 16–19]. Традиции рассматривать исторические события через призму биографических описаний в российской публицистике и исторической науке имеют давнюю историю. Еще в начале XX в. развитие биографики в России нашло выражение и в проведении исследований, и в подготовке публикаций [2, с. 56–57; 3, с. 13–14], и в попытке директора Педологического института Н. А. Рыбникова создать в 1919 г. Биографический институт [18, с. 421–424]. Исследование революционных событий 1917 г. в России через призму человеческих судеб во многом позволяет объективировать картину отечественной истории.

Одним из ярких персонажей российской истории конца XIX – начала XX в. был полицмейстер Петербурга, генерал-майор Владислав Францевич Галле (1862–?). Конная полиция и кинологическая служба, специальная школа для чинов полиции и первый в Российской империи музей полиции, бронезилет для сотрудников полиции, издания по вопросам обеспечения деятельности полиции и правопорядка в имперской столице – вот неполный перечень проектов, над которыми работал и успешно реализовал В. Ф. Галле.

О его личной жизни известно немного. Родился 28 октября 1862 г. в семье католических верующих в г. Санкт-Петербурге. В 1881 г. окончил 2-ю военную гимназию и поступил юнкером в 6-й Клястицкий гусарский полк. Прошел курсы саперного и телеграфного дела и в 1884 г. был командирован в Офицерскую кавалерийскую школу [12, с. 97]. Любовь к лошадям и кавалерийскому делу во многом определила его дальнейшую судьбу.